

Александров А.С.,
доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного процесса Нижегородской
академии МВД РФ

Ответ “Керзона” современным криминалистам

«Итак, если я должен по справедливости оценить мои заслуги,
то вот к чему я присуждаю себя – к обеду в Пританее».

Платон «Апология Сократа» 37b

Подводя итоги содержательной дискуссии (для меня она закончена), хотел бы, во-первых, поблагодарить моих коллег, подчеркиваю – старших коллег, криминалистов за то, что они живо отреагировали на в общем-то довольно заурядный повод в виде моей статьи. Значит, еще есть люди, у которых осталась гордость за свою профессию (амбиции, естественно, тоже не последнее дело); разговор состоялся, и наука получила импульс к развитию. Во-вторых, надо бы ответить на самые характерные отклики моих оппонентов, что, наверное, прояснит некоторые недоразумения[1]. К тому же я привык оставлять последнее слово за собой.

Вначале отвечу на упрек в голословности своих обвинений: об узурпации теории доказательств криминалистикой, искажении видения проблем судебного доказывания, свойственного гуманитарной традиции и пр. Этот упрек мне делали несколько уважаемых профессоров, в том числе и главным образом А.Г. Филиппов.

Так вот, есть книга, в которой содержится достаточно тщательный анализ недружественного поглощения криминалистикой теории доказательств – с приведением конкретных примеров и разбором точек зрения криминалистов[2]. Автор этой книги А.В. Новицкий пишет: «Наука криминалистика – “спутник” уголовного процесса, постепенно захватывает в свою орбиту все возможности уголовно-процессуального механизма доказывания. Происходит срастание

предмета уголовно-процессуальной науки и науки криминалистики в части доказательственного права. Об этом свидетельствует ряд подходов к пониманию, что такое криминалистика»[3]. И далее указанный автор цитирует примерно с десятков учебников и монографий светил отечественной криминалистики, что подтверждает его выводы. В том числе, такой: «Суть криминалистики при таких подходах состоит в обеспечении уголовно-процессуального доказывания. Складывается довольно интересная ситуация, в которой криминалистика разрабатывает основные вопросы теории доказательственного права – тактики доказывания, но отрицает “отнесение теории доказательств к предмету криминалистики”, ввиду невозможности отрыва доказательств от их формы»[4]. Криминалисты указывают взаимосвязь криминалистики и науки уголовного процесса в теории судебных доказательств»[5]. Довольно любопытно, что в качестве влияния криминалистики на теорию доказательств и доказательственное право называется И.Ф. Пантлеевым разработка на основе обобщения следственной практики эффективных тактических приемов[6]. Т.е. тактика выделена из доказательственного права в криминалистику? Правовой парадокс[7].

Настоящий парадокс будет, когда криминалистику выведут в отдельную специальность (разделив ныне существующую научную специальность 12.00.09). Вот тогда нас действительно ожидают масштабные свершения криминалистов в области теории доказательств путем обобщения следственной практики. Признаки надвигающихся событий мы наблюдаем в диссертационных работах таких авторов, как А.А. Аубакирова[8], А.В. Руденко[9]. Но ведь, если бы эти (и другие) криминалисты (но и русские процессуалисты) знали работы римских, средневековых «процессуалистов» (таких как Quiutilian, Bartolus, Baldus de Ubaldis, Mascardus, Vinnius и пр. «архиназавриусы») им бы не пришлось заново открывать азбучные истины, которые содержатся в вышеназванных опусах, и которые являются парафразами из классиков: «Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu»; «nisi ipse intellectus». Или еще: «Probatio est actus judicialis, quo de facto dubio fides fit

judici», или «*Probatio est intentionis nostrae legitima fides, quam judici facit aut actor, aut reus*», или «*Probatio est ostensio rei dubiae per legitimos modos judici facienda, in causis apud ipsum judicem controversies*».

Чему может научить нас тот же «логик» А.В. Руденко после того, что было сказано схоластами, основавшими формальную теорию доказательств? Допустим, советские криминалисты[10] вложили учение логиков в формат диалектического материализма (диалектическая логика). Но современные-то что нового делают? Стряхивают пыль с трудов советских классиков?

Кстати, по поводу логики. Кто же оспаривает необходимость формальной и прочих логик для юриста и криминалиста? Никто не оспаривает. Вот право с умным видом выдавать банальности за «новизну» – это оспаривается. Возможно, есть определенный потенциал в разработках А. Пуанкаре, Ж. Адамар, Г. Сеге и особенно Д. Пойа, о которых говорит проф. Л.А. Драпкин[11]. Л.А. Драпкин связывает надежды развития научного знания с логикой эвристической, с ее «неправомерными силлогизмами» и вероятностными выводами не от причины к следствию, а от следствия к причине, что соответствует процессам познания в оперативно-розыскной и следственной деятельности. По его мнению, вывод Д. Пойа о том, что достоверное знание достигается путем использования правдоподобных рассуждений, после соответствующей адаптации вполне применим в криминалистике и следственной практике[12]. Криминалиста это может быть и утешит. Но для того, кто взвешивает все вещи заново, кто пытается строить новую теорию судебных доказательств этого недостаточно[13]. Логика это то, с чем имеет дело человек логический, а если я усомнился в том, что такое субъект, что такое действительность?

2. Не соглашусь с профессором Л.А. Драпкиным в том, что «парадигма научного познания по специальности 12.00.09» была сформирована и принудительно имплицирована в теорию уголовного процесса и практическую деятельность правоохранительных органов в 30-е годы прошлого века, не

учеными-криминалистами, а виднейшими представителями уголовно-процессуальной науки А. Я. Вышинским и М. С. Строговичем[14].

Вряд ли их можно считать авторами концепции объективной истины, с одной стороны, и противниками состязательности, с другой. Все гораздо сложнее. И тот и другой на словах были сторонниками состязательности. Академик Вышинский вообще тяготел к английскому учению о судебных доказательствах[15]. Его высказывания относительно вероятности судебной истины были предметом для критических упражнений для представителей золотого века науки по специальности 12.00.09 (я имею в виду конец 50-х и 70-е годы 20 века), в том числе и его бывшего протеже, ставшего в свою очередь академиком, – М.С. Строговича[16]. Именно тогда-то сложилась парадигма нашей науки: с набором канонов, авторитетных текстов и самих авторитетов (некоторые из которых еще здравствуют), на которых принято ссылаться для укрепления своей позиции, и вообще, чтобы считаться научной единицей.

Однако, как говорит президент РФ Д. А. Медведев, не следует превращать в священную корову каноны уголовно-процессуального законодательства[17]. Пришло время каноны советской теории доказательств пересмотреть, и это объективно связано с критикой криминалистических воззрений на доказательства и доказывание.

Я уверен в правоте своей позиции, а именно, что в указанный временной отрезок (50-70-е годы) под влиянием криминалистов сложилась та система знания, которая предопределяет существующую научную картину уголовно-процессуального мира. За неимением времени и пространства развивать эту тему отсылаю читателя к монографии коллеги А.А. Кухты «Доказывание истины в уголовном процессе» (Н. Новгород, 2009г.). В этой монографии достаточно пространно на большом литературном материале, в широком интеллектуальном контексте показано становление ключевых понятий современной теории доказательств: доказательства, доказывания и концепции истины. В том числе показана и роль криминалистов в создании «информационной» трактовки этих категорий.

Информационная версия учения о доказательствах – это дело рук криминалистов и примкнувших к ним процессуалистов «шестидесятников». Да, они вошли в тот самый авторский коллектив монографии «Теории доказательств в советском уголовном процессе», на который мне указывают мои оппоненты. И хотя в числе авторов этого труда, ставшего библией советской теории доказательств, есть и криминалисты и процессуалисты. Но тон задавали именно первые, в виду как большего веса в науке, так и в должностях.

Потом не забывайте опять же о контексте. Напомню бытовавшую в то время присказку: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». Кибернетика, физика, естествознание, пафос преобразования социальной и духовной жизни, активно влияли на формирование научной картины мира в юриспруденции[18]. В правительстве СССР возобладали технократические подходы к решению проблем строительства социализма. Обновление (сейчас сказали бы – модернизацию) связывали с научно-техническим прогрессом. Это наложило глубокий отпечаток и на теорию уголовно-процессуальных доказательств, изложенную в известной советской монографии. Опять же отсылаю коллеги к комментарию А.А. Кухты по данному поводу[19].

3. Как криминалистика «подмяла» под себя теорию доказательств? Некоторые криминалисты делают вид, что не знают ответа на этот вопрос. «Совершенно непонятно, однако, каким образом криминалистика ухитрилась навязать специалистам в уголовном процессе и оперативно-розыскной деятельности (специальность 12.00.09) естественно-научное мировоззрение, тем более, что сама она относится к числу юридических наук (проф. Р. С. Белкин, правда, после долгих колебаний пришел к выводу, что криминалистика имеет двойственную природу юридическую и естественно-научную, но подавляющее большинство криминалистов не разделяет эту точку зрения)»[20]. Теперь может и не разделяет, а раньше – сомневаюсь.

Когда руководить наукой будет криминалист, всем поневоле придется усвоить его взгляды на вещи[21]. По Конфуцию, есть три способа приобрести

знание, первый из них состоит в размышлении – этот путь самый благородный; второй – в подражании, этот путь самый лёгкий; наконец, третий способ состоит в приобретении собственного опыта – и путь этот самый трудный. Я знаю четвертый: нужно возглавить процесс познания и соответственно, присвоить себя право удостоверить его результат как истинный[22]. Вот и смекайте, кого я имею в виду.

4. Не могу оставить без комментария довод некоторых криминалистов (проф. Драпкин, проф. Филиппов) о том, что наука уголовного процесса очень во многом зависит от криминалистики: ведь некоторые следственные действия были закреплены в законе лишь после того, как криминалисты на основе изучения следственной практики обосновали их необходимость и разработали их тактику.

Интересно знать, как отечественная криминалистика оказала влияние на уголовный процесс Англии или США или какой-нибудь страны. Как-то там обошлись без советов наших пронырливых криминалистов. Не заслуга (но и не вина) криминалиста то, что у разных народов в разное время был примерно один арсенал средств получения доказательств по делу. И менялся этот арсенал отнюдь не под влиянием криминалистики, которая появилась в 19 веке. В стародавние времена тоже опыты проводились: ордалии, например, но это были какие-то другие опыты, а не те, о которых говорится в ст. 181 УПК РФ. Вот тут и есть проблема для теоретика – объяснить относительность стандартов истинности и способов ее выявления.

5. Некоторые мои критики хотят конкретики: «О каких криминалистах идет речь? Если о классиках криминалистики (С.М. Потапов, А.И. Винберг, Р.С. Белкин, А.Н. Васильев и др.), то с ними в ряде случаев активно спорят, хотя большая часть их творческого наследия полностью сохранила свою значимость и отнюдь не осталась в прошлом веке. Непонятно также, кто мешает специалистам в области уголовного процесса развивать теорию доказательств и зачем они возятся со «скелетообразными схемами прошлого»[23].

Отвечаю, да, именно этих ученых, но также И.М. Лузгина, А.А. Эйсмана, В.Я. Колдина, я имел в виду в качестве «авторитетов», чье наследие деконструирую в своих текстах. При этом я ни в коей мере не ставлю под сомнение ценность «практического криминалистического знания», сомневаюсь в ценности методологических штудий криминалистов. Выступаю против доктринерства, которое воплощается, скажем, в известных представлениях о «генезисе доказательства», «уровнях доказывания» и пр. Это мешает пониманию природы судебного доказательства – как факта, как аргумента, как смысла информации, выявляемого в контексте конкурирующих интерпретаций, результата речедейтельности, аргументации. Это мешает снять различие между результатами ОРД и уголовно-процессуальным (судебным) доказательством. В конечном итоге это мешает всем нам совершить реформу досудебного производства, т.е. узколобый догматизм, отсутствие креатива – реальный тормоз для прогресса уголовно-процессуального права.

Что же касается «позитивной» программы создания новой теории судебных доказательств, то «их есть у меня»: одна такая (когнитивная программа то есть) изложена в уже ставшей известной в узких кругах статье[24]. Правда, я не был бы постмодернистом, если бы не сообщил, что готовлю статью «Еще одна новая теория доказательств»[25]. Так что возиться со скелетообразными схемами не собираюсь и другим не советую: достойный человек идет своим путем (см. советы Конфуция).

6. Многих криминалистов задел мой упрек в «словоблудии». Большинство из них не признают за собой такого греха[26]. Активный участник дискуссии Д.В. Исютин-Федотков добросовестно провел изыскания в этой области, нет смысла воспроизводить их[27]. Это, по сути, явка с повинной.

Как известно, о степени зрелости науки судят по ее языку. Криминалистика преуспела в изобретении «терминологии». Я о другом: способна ли она порождать новые смыслы?

Связанный со словоблудием, упрек в том, что «криминалистика вы-родилась в схоластику», вызвал особую ярость некоторых авторитетных

криминалистов. Но мое мнение, суть которого в выражении «мастерством не скроешь пустоты внутри», разделяют многие представители молодого поколения - раскованные, свободно мыслящие, свободно говорящие (иногда чересчур, даже на мой неханжеский взгляд)[28]. Информационный шум под названием «теория криминалистики» может вводить в заблуждение только тех, кто сам обманываться рад или тех, кто не знает, что такое наука.

Не буду спорить, явление под названием «имитация бурной деятельности» характерно в целом для юридической науки, уголовного процесса, в том числе. Хотя все-таки фоне криминалистических диссертаций некоторые диссертационные работы процессуалистов выглядят поприличнее[29].

В свое время, прикидывая свои возможности на научном поприще, я случайно взял в руки автореферат Г.А. Густова «Проблемы методов познания в организации расследований преступлений» (М, 1993)[30]. Ознакомившись с ним, я получил первичный иммунитет от криминалистики, который в окончательном виде сформировался во время консультации при подготовке к сдаче кандидатского минимума по специальности 12.00.09, которую проводил в 1992 г. тогда еще доцент А.Ф. Лубин[31].

7. Перейду к, пожалуй, важнейшему пункту дискуссии.

Он связан с проблемой истины, вопросами нравственности, мировоззрением. Так, речь зашла о моей приверженности к учению софистов, риторике. Как пишет проф. Драпкин: «Что касается призыва вернуться к учению греческих софистов, которых Аристотель в сочинении «О софистических опровержениях» подверг уничтожающей критике, называя софистику «кажущейся, мнимой мудростью», то позиция профессора А.С. Александрова так же представляется непонятной. Неужели следователям и сторонам в ходе судебного производства делать ставку на ложь, обман, провокации, измышления и логические уловки? Представляется, что профессор А. С. Александров, усмотрев в учении ранних софистов (Протогор, Горгий и другие) рациональный принцип релятивизма, не учел, что позднее доведенная до абсурда эта позиция утверждала, что каждый человек имеет свою особую

истину. Перенесенная в теорию познания концепция софистов привела к утверждению о том, что все высказывания могут содержать ложь и обман, а потому основными методами любой дискуссии, в том числе и в суде, должны базироваться на жонглировании словами, хитростях, обмане и логических уловках, умело замаскированных фальшивыми рассуждениями»[32]. Д.В. Исютин-Федотков недоумевает, почему упрекая в отсталости криминалистов, я призываю обратиться к традициям античной риторики: «Зачем профессор А.С. Александров призывает связывать криминалистов и процессуалистов традицию знания с Аристотелем, Цицероном и Квинтилианом, а не с «шестидесятниками»?»[33].

Что касается учения софистов, то оно было вполне реабилитировано в новейшее время[34]. Речь идет о так называемой «Новой риторике». Про себя же могу сказать, что несколько книг в свое время перевернули мое мировоззрение: Рождественский Ю.В. «Теория риторики. (М.: “Добросвет”, 1997) и Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. Traite de l'Argumentation. La nouvelle rhetorique. 2-e edition. Editions de l'Institut de Sociologie Universite Libre de Bruxelles. (Bruxelles, 1976)[35]. И, конечно, «Двенадцать книг риторических наставлений» М.Ф. Квинтилиана.

Пафос моего выступления против советской школы криминалистики вызван тем, что ее парадигма стала тормозом для развития уголовно-процессуального права. А античная традиция останется основой, культурной основой для языковых упражнений юристов, процессуалистов, криминалистов, пока стоит этот мир. Признаюсь, конечной целью моих усилий является перетащить науку уголовного процесса в область искусства (в том числе и средствами стилистики), о деконструкции «настоящей науки» мы писали достаточно откровенно[36].

Кажется, это стало понятно некоторым криминалистам. Так, проф. Филиппов зрит в корень: «В заключение отметим, что некоторые мысли, обозначенные в статье проф. А.С. Александрова, заслуживают серьезного обсуждения. Это вопросы о том, нужно ли стремиться в ходе расследования и

судебного разбирательства к установлению объективной истины по делу (мы считаем - да, непременно нужно); достижимо ли достоверное знание в суде, или здесь «царствует мнение»; что превалирует в судебном доказывании - рациональное познание или опять-таки мнение, формируемое на основе искусства участников судебного разбирательства, и т. д. Правда, криминалисты вообще-то и не должны участвовать в обсуждении таких проблем - не с их инструментарием, а главное - не с их мировоззрением можно решать подобные вопросы»[37]. Полностью согласен с этим выводом. Процессуалисты создают мир, в котором потом делают свою очень нужную работу криминалисты.

Я же думаю, что сами стандарты истины и фактичности и даже то, что криминалисты называют «следами» (по Пирсу, «след» есть разновидность знака[38]) есть производные от матрицы познания. Знаки отсылают к знакам, след отсылает не к преступлению, а возбуждает когнитивную структуру[39]. Были времена, когда «методологи» Институт исторической криминалистики и Шпенглер следы преступления находили в родимом пятне у подозреваемого и пр. Кстати, их труд есть образец использования логических силлогизмов в расследовании. Советую современным криминалистам перечитать преисполненное логизмом пособие по расследованию преступлений их предшественников[40].

Что же надо считать настоящей наукой? Этот вопрос подспудно вызревает из вышесказанного. Вообще позиция моих оппонентов, приверженцев традиционной, классической юридической науки, по-человечески мне понятна и я даже сочувствую ей, в какой-то мере[41], но разделить уже не могу. Мешают факты, окружающая правовая действительность мешает. Судебный процесс над М. Ходорковским, скажем. Но и многое другое.

Слишком далеко я зашел, чтобы вернуться к «нормальной науке». Вместо того, чтобы разделять официальную точку зрения на проблему борьбы с преступностью, я скорее соглашусь с М. Фуко в том, что надо избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом (если не исключительно) средством борьбы с правонарушениями и будто в этой роли, в зависимости от социальных форм, политических систем или взглядов, она

бывает суровой или мягкой, может быть нацелена на искупление или возмещение, на преследование индивидов или на вменение коллективной ответственности; наказание преступления не является единственным элементом; карательные меры - не просто “негативные” механизмы, позволяющие подавлять, предотвращать, исключать, устранять, но что они связаны с целым рядом положительных и полезных последствий, которые призваны обеспечивать (в этом смысле можно сказать, что если законосообразные наказания должны карать за правонарушения, то установление правонарушений и их пресечение направлены, в свою очередь, на поддержание карательных механизмов и их функций)[42]. Вот, где корень наших идейных расхождений: в понимании того, что есть преступность и греховность, все инструменты их выявления и противодействия (включая всю криминалистику) есть производное, вторичное от этого.

8. Не верю обещаниям криминалиста раскрыть любое преступление. Профессор Филиппов с редкостной самокритичностью признается: «По поводу «дурацкого оптимистического пафоса: мир познаваем, значит, не существует нераскрываемых преступлений» - покаемся: мы тоже относимся к числу дураков, которые так думают. Правда, проф. А. С. Александров излагает дурацкую позицию неверно: дело не в том, что мир познаваем, а в том, что совершить преступление, не оставив следов, невозможно. Значит, в принципе (подчеркиваем в принципе), любое преступление может быть раскрыто, хотя, разумеется, на практике это возможно далеко не всегда»[43].

А вот видный криминалист и по совместительству «главный следователь страны» А.И. Бастрыкин утверждал в начале своего славного пути, что «нераскрываемых преступлений не бывает»[44] и даже пытался претворить свое обещание в жизнь: «дело Политковской распутали, сидя в кабинете и думая»[45]. Итог «раскрытия» некоторых резонансных преступлений руководимым им ведомством, в частности, убийства А. Политковской, известен.

9. Проф. Филиппов не признается в таком грехе криминалистике как отсталость в идейном отношении, точнее их привязка к следственной форме. Я упрекал криминалистов в том, что они не видят состязательной проблематики, отрабатывают почти исключительно проблематику предварительного расследования. Он пишет : «Да, до сравнительно недавнего времени криминалисты занимались, главным образом, предварительным расследованием, хотя и раньше выходили очень серьезные работы по судебному следствию»[46]. Но неправда, что сейчас ничего не изменилось: почти в каждом из последних выпусков журнала «Вестник криминалистики», практически во всех сборниках по материалам научных конференций, криминалистических чтений и т.д. публикуются статьи по тактике поддержания государственного обвинения в суде, либо по тактике отдельных судебных действий. Ряд криминалистических работ по судебному следствию готовится в Российской академии правосудия. Так что движение в этом направлении явно обозначалось[47].

Профессор явно приукрашивает действительность. Достаточно взять любой учебник по криминалистике. Хотя бы учебник самого уважаемого профессора: «Криминалистика. Полный курс. Изд. 5-е. М.: Юрайт, 2011[48]. Другой пример: Шурухнов Н.Г. «Криминалистика: определения, схемы, табл.» (Изд-во Эксмо, 2008). Сравните их содержание с советскими учебниками - убедитесь в косности криминалистического учения.

Да и не на одном лишь судебном следствии, в конце-концов, замыкается актуальная проблематика. А компьютерная криминалистика, а использование доказательств в цифровом формате? Вот, предмет для криминалистики, о котором вопрошает меня Д.В. Исютин-Федотков. Скоро вся преступность переключится в киберпространство, а следователь вооружен все тем же «криминалистическим чемоданчиком». Результаты криминалистики в этом направлении более, чем скромные.

10. По мнению профессора Филиппова в моей статье имел место «образец огульной, явно недобросовестной критики (если, конечно, ее вообще можно назвать критикой)».

Оскорбительная, значит, критика. Хе-хе. Припоминаю, что-то такое говорили обвинители Сократу[49]. Но резкие, нарушающие представления о приличии в научном обществе, слова, если некоторые заметили, проникнуты любовью к науке, а не той макулатуре, что под названием учебники штампует г-н А.Г. Филиппов.

Так что уважаемый профессор Филиппову оказался со своим мнением в одиночестве. Результаты дискуссии на сайте МАСП свидетельствуют об этом достаточно красноречиво. И вообще многие криминалисты меня благодарили за статью и признавали мою правоту (как правило - анонимно).

Вот скажем, профессор Л.А. Драпкин, признал, что «некоторые замечания профессора Александрова весьма и весьма полезны и своевременны. Теоретические выводы криминалистики всегда должны быть основой для оптимальных рекомендаций сотрудникам правоохранительных органов и судьям. И мы, криминалисты должны быть благодарны за критику нашему уважаемому оппоненту»[50]. Такого же рода признание содержится и в статье профессора М.К. Каминского: «В заключении, допустимо спросить: «Нужна ли, важна ли, настоящая теория криминалистики?» – Безусловно. К сожалению, ее в целостном виде пока что нет. А вот спекуляций околонанучности – предостаточно. И здесь нужно полностью поддержать А.А. Александрова»[51].

Солидарен с коллегами и Д.В. Исютин-Федотков: «Нет сомнений, что отчасти профессор А.С. Александров прав, критикуя современную криминалистическую науку и образование за нахождение в состоянии «вечно вчерашние»[52]. Аналогична позиция проф. В.П. Бахина[53]. Даже самый мой непримиримый противник профессор Филиппов частично признал мою правоту применительно к воззрениям представителей кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД РФ: «К сожалению, мы вынуждены признать, что в этой части его суждения имеют известные основания»[54].

Оснований более чем достаточно. Последовавшие уже после публикации моей статьи научные события в виде диссертаций А.А. Аубакировой, Е.С. Лапина и их бурное обсуждение на МАСП[55] показали, кто есть «who». Или может профессор Филиппов возьмется доказать, что в этих работах имеют место творческие, новаторские свершения? Должно быть стыдно старому поколению криминалистов за своих измельчавших коллег.

Кстати, я ведь не считаю, что уголовно-процессуальная наука процветает. Все мы находимся в одинаковой ситуации, описание которой я делал не единожды[56]. Но кажется, выбираться из нее будем уже поодиночке. Вот у Д.В. Исютина-Федоткова уже и план есть : «Итак, смертельные грехи современной криминалистики не так уж смертельны. Проблемы научного поиска и развития в криминалистике есть, но подобные проблемы характерны для многих юридических, как впрочем, большинства гуманитарных наук. Связано это, скорее всего, с наступлением некоего переходного, переломного периода или этапа развития криминалистики... Видимо, наступает момент становления четвертого этапа развития криминалистики. Он связан с активной технизацией общества в целом и гуманитарного знания в частности»[57].

Так что скоро проф. Бахин увидит, как криминалистика будет отражать противопоставленные направления: следственную деятельность и работу адвокатов – противодействие следователям. И перестанет удивляться, почему я, с одной стороны, обвиняю криминалистику в том, что она стремится превратиться во «владычицу» специальности 12.00.09, а с другой – не обслуживает судебное следствие, которое к криминалистике, по мнению Бахина, не относится[58].

Д.В. Исютин-Федотков объясняет, что математический анализ, применение машин никогда не заменят человеческий фактор в судебном доказывании фактов. Судебная истина есть результат судебного разбирательства, а судебное доказывание есть искусство». Искусство судопроизводства есть в сущности ничто иное, как искусство пользоваться доказательствами. Совершенно правильно, именно пользоваться доказательствами, в том числе с

помощью криминалистической техники. Понимаем как собирание доказательств, которое включает их обнаружение, фиксацию, изъятие, сохранение, исследование и использование. Кто владеет таким искусством пользоваться доказательствами, тот и формирует мнение, в том числе в суде[59].

Кажется, некоторых, далеко не последних криминалистов я заставил задуматься и даже в чем-то убедил. Значит, я заслужил свой «обед в Пританее». Но признаться, аппетита нет: «залегла заботу в сердце мгlistом». Поэтому заключение не будет оптимистическим.

Моя позиция аморальна, контрпродуктивна в глазах нормального юриста, чей удел содействовать укреплению существующей власти и порядка, выступать в защиту власти. Я же руководствуюсь другим пафосом, а именно: «пафос разрушения ненужных вещей, лучше, чем пафос созидания нужных вещей». В определенных условиях («деконструкцию» я имею в виду) пафос отрицания, критики весьма уместен, хотя и относительно. Но также как хаос и энтропия первичны и конечны, а структура и порядок вторичны и временны, также и подход, в котором разложение и распад являются эталоном для измерения уголовно-процессуальных явлений – более состоятелен. Хотя бы в плане долговременности. Ведь «самые лучшие гипотезы – те, что наименее вероятны, они рассчитаны надолго»[60].

Таков я – постмодернист и безбожник. Искренне[61] говорить об Истине, Справедливости, Моральном долге не могу, потому не верю в них, а обманывать других не хочу.

---

[1] Некоторые замечания криминалистов (скажем, М.К. Каминского) я оставил без комментариев. Использую тактику, называемую «переиграть оппонента молчанием». Иногда слова и поведение оппонента говорят против него самого настолько, что не требуется опровержения. Известно также, что лучший довод тот, который убеждает исподволь.

См.: Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2007. – С. 30, 268-269, 395, 398-399.

[2] Я думал, все знают эту монографию, и это обстоятельство освобождает меня от утомительной обязанности по приведению соответствующих ссылок. Но криминалисты, судя по статье А.Г. Филиппова и некоторых других, вообще мало знают процессуальную литературу, особенно зарубежную, особенно старинную русскую. А между тем это открыло бы им глаза на многие «закономерности», которые они пытаются заново открыть, с пафосом естествоиспытателя (или синдромом библейского Адама?).

Все уже открыто и известно давным-давно процессуалистам и содержится в их текстах.

Остается только игра в слова, комментарий комментария. Вы разве этого не знали?

[3] Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения: Монография. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 219 и след.

[4] Криминалистика. – М.: Юр. лит., 1993. – С.10-11.

[5] Криминалистика. – М.: Юр. лит., 1993. – С. 11.

[6] Цит. по: Новицкий В.А. Указ. соч. – С. 220.

[7] Новицкий В.А. Указ. соч. – С. 220.

[8] Аубакирова А.А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения // Автореф. Дис... д-ра юрид. наук. – Челябинск, 2010.

Обсуждение этого текста см. на сайте МАСП: Ошибка Аубакировой // <http://www.iuaj.net/node/599>

[9] Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы (Уголовно-процессуальное и

криминалистическое исследование). Автореф. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2011 // <http://iuaj.net/node/741>

[10] Прежде всего, А.А. Эйсман («Заключение эксперта. Структура и научное обоснование», «Логика доказывания») и И.М. Лузгин («Логика следствия»).

[11] См.: Драпкин Л.А. Совсем несмертные грехи профессора А.С. Александрова <http://www.iuaj.net/node/360> или <http://bit.ly/9OcDJD>

[12] См. там же.

[13] Для меня лично отравной точкой для критических исследований в области теории доказательств стала статья Р. Барта «Литература и Мину Друэ», где есть фраза «правдоподобие есть не что иное как готовность обвиняемого походить на собственных судей».

См.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика (пер. Г.К. Косикова). – М.: Изд. группа “Прогресс”, “Универс”, 1996. С. 48-56.

[14] См.: Драпкин Л.А. Указ. соч. / <http://www.iuaj.net/node/360>

[15] Хотя подлинно ли А.Я. Вышинский был автором «Теория судебных доказательств в советском уголовном праве»? Я что-то усомнился.

[16] М.С. Строгович и придал концепции объективной истины законченный вид, подчеркивая ее абсолютный характер, отмежевавшись от своего бывшего шефа, в том числе и в научном плане.

[17] <http://www.rg.ru/2011/02/24/antiterror.html>

[18] Отсюда мода на изыскания по проблематике использования научно-технических средств для повышения эффективности правосудия, уголовного процесса, правового регулирования.

[19] См.: Кухта А.А. Указ. Соч. – С. 114-128.

[20] См.: Филиппов А.Г. О статье проф. А. С. Александрова «Семь смертных грехов современной криминалистики» // Вестник криминалистики. 2010. № 3 (35) или / <http://iuaj.net/node/588>

[21] *Dictum sapienti sat est.* Надеюсь, не надо объяснять, кто был самый главный советский генерал-криминалист, игравший главную роль в игре под

названием 12.00.09. Сам я долгое время работал на кафедре под руководством еще одного видного криминалиста – проф. А.Ф. Лубина.

[22] Об этом говорят книги Ж. Дерриды, М. Фуко и других.

См., напр.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет (пер. С. Табачниковой). – М., 1996; он же. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы (пер. В. Наумова). – М.: “Ad Marginem”, 1999; он же. Археология знания (пер. С. Митина, Д. Стасова). – Киев: “Ника-Центр”, 1996.

[23] См.: Филиппов А.Г. Указ. соч. <http://iuaj.net/node/588>

[24] См., напр.: Александров А.С. Новая теория доказательств / <http://www.iuaj.net/node/406>

[25] Сколько их может быть? Все зависит от того, какой научный подход избирает автор. Скажем психо-лингвистический и когнитивный я испробовал. Но еще остались подходы, основанные на: 1) психоанализе, 2) биологии, 2) химии, 3) физике и пр.

[26] Впрочем, Д.В. Исютин-Федотков пишет: «Трудно не согласиться. В последнее время появилась целая серия работ, критикующих современный язык криминалистики».

См.: Исютин-Федотков Д.В. Смертельны ли грехи современной криминалистики? <http://www.iuaj.net/node/511>

[27] См.: Исютин-Федотков Д.В. Указ. соч. / <http://www.iuaj.net/node/511>

[28] Советую коллегам зайти на сайт [#entry3975332](http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=261278&st=200&p=3975332), где народ смеется над трехтомным «Курсом криминалистики» проф. Белкина (М.: «Юрист»).

[29] См., напр., результаты обсуждения авторефератов (например, Н.Н. Апостоловой) на сайте МАСП: [//www.iuaj.net/node?page=1](http://www.iuaj.net/node?page=1)

[30] Прочтите на досуге, и вы поймете, о чем речь.

[31] Уходя с нее в полном смятении, я знал, что ничего не понимаю в методике расследования преступлений (хотя имел следственный стаж более 6 лет).

[32] Драпкин Л.А. Указ. соч. / <http://www.iuaj.net/node/360>

[33] Исютин-Федотков Д.В. Указ. соч. / <http://www.iuaj.net/node/511>

[34] См., напр.: Кассен Б. Эффект софистики (пер. с фр. А. Расспуск). – М.–Спб.: “Университетская книга”, 2000.

[35] Потом были и другие: Perelman Ch. Justice, Law and Argument / Essays on Moral and Legal Reasoning. – Dordrecht: Holland /Boston: USA/ London: England, 1978; Perelman, Ch. L'empire rhétorique. Rhétorique et argumentation. – Paris, 1977; Perelman, Ch. The Idea of Justice and the Problem of Argument. – London: Routledge & Kegan Paul, 1963.

Кстати, все это богатство лежит в библиотеке ИНИОН РАН (непрочитанное до 1990-х никем, кроме меня).

[36] Александров А.С., Кухта А.А. О перспективе союза теории доказательств и криминалистики: один шаг назад и два шага вперед / Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: Сб. научн. статей. Вып. 5. М.: Академия управления МВД РФ, 2010. С. 11-17.

[37] См.: Филиппов А.Г. Указ. соч. / <http://iuaj.net/node/588>

[38] По словам Ч.С. Пирса, мы мыслим только с помощью знаков. Он определяет знак как нечто такое, что заставляет нечто иное (его интерпретант) отсылать к некоему объекту, к которому точно также отсылает и оно само (его объект), так что интерпретант, в свою очередь, сам становится знаком, и так до бесконечности.

См.: Пирс Ч.С. Избранные философские произведения (пер. с англ. К. Голубевой, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриевой) – М.: Логос, 2000. – С. 40, 41.

[39] Знание есть порождение понятийных структур и схем восприятия и действия. Все наши знания об окружающем мире носят приблизительный характер, и их достоинство определяется их способностью дать нам лучше приспособиться к условиям существования. Искажение информации в ходе

взаимодействия субъекта с реальностью носит объективный характер. Уже в процессе предшествующей осознанию часть информации неизбежно теряется, она отсеивается нашим когнитивным аппаратом как излишняя. Это происходит благодаря фильтрам восприятия: нейрофизиологическим, социальным, индивидуальным. Функционирование фильтров восприятия, генерализация, опущение, искажение информации в ходе формирования когнитивных структур приводит к неустранимому расхождению между «сырой» реальностью и реальностью-для-субъекта, которая только и имеет смысл для каждого из нас, поскольку именно в ней проходит жизнь человека во всех ее проявлениях. Знание о явлениях реальности - это не их отражение в сознании, а скорее, реконструкция, «понимание» ее адекватно выживанию. Все это справедливо и применительно к уголовному процессу, как одному из сегментов когнитивной деятельности людей.

См.: Александров А.С. Новая теория доказательств / <http://www.iuaj.net/node/406>

[40] См.: Шпенглер Я., Инститорис Г. Молот ведьм / пер. Цветков, предисл. Лозинского С.М. – М.: ОГИЗ, ГАИЗ, Атеист, 1932.

[41] См.: Александров А.С. Судебная этика и судебная тактика // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. – 2009. – № 2 (2). – С. 7-14.

[42] См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – С. 37–38.

[43] См.: Филиппов А.Г. Указ. соч. / <http://iuaj.net/node/588>

[44] РГ. 2007. 22 августа. № 183 (4446).

Кстати, отзывы об уровне его криминалистических трудов см. на сайте МАСП: Чисников В.Н. Рецензия на книгу А.И. Бастрыкина "Знаки руки. Дактилоскопия" /<http://www.iuaj.net/node/746>

[45] Интервью главы СКП РФ А. Бастрыкина // Известия. 2007. 20 октября. № 179. С. 3.

[46] Филиппов А.Г. Указ. соч. / <http://iuaj.net/node/588>

[47] Там же.

[48] Он кстати, завалил рынок учебной литературы своей продукцией. Хотя, наверное, что такое перекрестный допрос до сих пор не знает. Советую ознакомиться с моими трудами по криминалистике.

[49] См.: Платон. Апология Сократа / Диалоги. Книга первая (пер. с древнегреч. М.С. Соловьева и др.) – М.: Эксмо, 2008. – С. 81-112.

[50] Каминский М. К., Каминский А. М. О «грехах» криминалистики и о непорочной деве в лице науки уголовного процесса / <http://www.iuaj.net/node/371>

[51] Там же.

[52] Исютин-Федотков Д.В. Указ. соч. / <http://www.iuaj.net/node/511>

[53] Бахин В.П. Чему и кому служит криминалистика? http://community.livejournal.com/uro_masp/27096.html

[54] Филиппов А.Г. Указ. соч. / <http://iuaj.net/node/588>

[55] См.: Лапин Е.С. Расследование преступлений, совершенных против интеллектуальной собственности» – М., 2010. – 53 с. / <http://iuaj.net/node/606>

[56] См., напр.: Александров А.С. Духless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 1. – С. 2-12; он же. Письмо московскому другу / <http://iuaj.net/node/581>

[57] Исютин-Федотков Д.В. Указ. соч. / <http://www.iuaj.net/node/511>

[58] Бахин В.П. Указ. соч. / http://community.livejournal.com/uro_masp/27096.html

[59] Исютин-Федотков Д.В. Указ. соч. / <http://www.iuaj.net/node/511>

[60] Эко У. Отсутствующая структура. – М., 1999. – С. 376.

[61] Искренность в речах выше морали и истины. Если я говорю то, что думаю, в любой аудитории, то мои слова и их смысл и есть истина. Истина есть совпадение в судебном логосе пафоса оратора и этоса аудитории. Перевирая Р. Барта, скажу и несколько иначе: истина есть заражение оратором слушателей энергией своего истерического наслаждения.